

СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПАНДЕМИИ: НОВЕЙШИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI: 10.19181/vis.2022.13.4.857
EDN: LAGHSG

Противостоящие пандемии: человеческие и нечеловеческие агенты в дискурсе московских властей о COVID-19¹

Ссылка для цитирования: Багина Я. А., Запорожец О. Н., Говорова А. Д. Противостоящие пандемии: человеческие и нечеловеческие агенты в дискурсе московских властей о COVID-19 // Вестник Института социологии. 2022. Т. 13. № 4. С. 217–235. DOI: 10.19181/vis.2022.13.4.857; EDN: LAGHSG

For citation: Bagina Y. A., Zaporozhets O. N., Govorova A. D. Confronting pandemics: human and non-human agents in the discourse of the Moscow authorities on COVID-19. *Vestnik instituta sotziologii*. 2022. Vol. 13. No. 4. P. 217–235. DOI: 10.19181/vis.2022.13.4.857; EDN: LAGHSG

**Багина Яна
Александровна¹**

¹Независимый исследователь,
Москва, Россия

ybagina@hse.ru

AuthorID ПИНЦ: 1059263

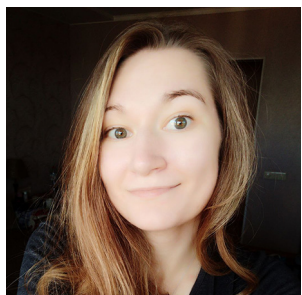

**Запорожец
Оксана Николаевна¹**

¹Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Россия

ozaporozhets@hse.ru

AuthorID ПИНЦ: 818006

**Говорова
Анастасия Дмитриевна¹**

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

nastena_govorova@mail.ru

AuthorID ПИНЦ: 1032377

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-04-60535.

Аннотация. Статья посвящена дискурсу московских городских властей относительно COVID-19. Мы полагаем, что данный дискурс тесно связан с реализуемыми городскими политиками, артикулируя и легитимируя их. Эмпирическую базу исследования составляют новости с официального сайта Мэра Москвы и записи из блога Мэра Москвы Сергея Собянина. В центре внимания статьи – дискурсивно создаваемые агенты городской жизни, отношение городских властей к ним и отношения между ними в период пандемии COVID-19. В дискурсе, связанном с коронавирусом, присутствует множество человеческих и нечеловеческих агентов: представители власти; горожане; агенты, связанные с лечением коронавируса (медицинские работники и технологии), и агенты, связанные с жизнью города в период пандемии (инфраструктуры; организации и компании, работодатели; система образования). Все они выстраиваются вокруг ключевого агента – самого вируса. Горожане как агенты во властном дискурсе представлены множеством категорий, которые образуют две крупные пересекающиеся группы. Первая группа связана с позицией людей относительно заболевания: люди с подозрением на коронавирус, заболевшие с разной степенью тяжести протекания болезни, переболевшие, скончавшиеся; доноры, участники исследования вакцины, вакцинированные. За проанализированный временной период дискурс, связанный с заболеваемостью, претерпевает как минимум два поворотных момента: переход от небольшого количества случаев к детализированной с точки зрения возраста статистике и от детализированной статистики к общему количеству заболевших с акцентом на количестве тяжёлых случаев болезни. Вторая группа категорий горожан включает в себя принадлежность к определённым социальным группам, например возрастной когорте, социально уязвимым группам, работникам (в целом и отдельных отраслей), школьникам и студентам, пользователям сервисов, пассажирам общественного транспорта. Горожане рассматриваются городскими властями как важные агенты, участвующие в борьбе с пандемией. Их агентность дискурсивно производится как результат взаимодействия их самих и городских властей. Горожане, следующие установленным властями правилам, обретают агентность, не следующие – лишаются её за счёт редкого упоминания или умолчания.

Ключевые слова: дискурс, COVID-19, вирус, город, горожане, городские власти

Вирусы недоступны непосредственному восприятию человека – их нельзя увидеть, потрогать, почувствовать на вкус или запах. В обычной жизни человек, как правило, ощущает не встречу с вирусом, но её последствия – симптомы, связанные с нахождением вируса в организме. Отношения человека с вирусом как с эмпирически недоступным объектом не являются чем-то исключительным. Во многом они похожи на отношения с другими невидимыми рисками, характерными для современного мира [2], – например с радиацией, которая также неощутима в момент столкновения, но обнаруживает себя в последствиях.

В своей книге «Политики невидимости. Публичное знание о воздействии радиации на здоровье после чернойбыльской аварии» Ольга Кучинская [17] отмечает, что в случае неспособности человека самостоятельно ощутить какой-либо жизненно важный феномен, его идентификация и отношения с ним становятся компетенцией экспертов: учёных, медиков, властей, медиа-профессионалов, активистов, а также «не-человеков» – специальных технических средств, таких как измерительные приборы и различного рода тесты. Именно эксперты создают

языки, позволяющие говорить о неощутимых феноменах и обсуждать их публично. Это могут быть языки научных теорий, властные дискурсы, включая канцелярит и статистику, различного рода визуализации (фотографии, схемы, карты). Таким образом, при всей своей неощутимости и невидимости вирусы, радиация или их аналоги становятся «высокомедиатизированными» (highly mediated) объектами [17]. Это означает, что их существование и столкновение с человеком делается заметным благодаря дискурсивной работе множества экспертов-посредников, облакающих их в слова и образы, которые транслируются на самых разных медийных платформах. Постепенно они становятся частью обыденного языка, который не только абсорбирует их, но и создаёт дополнительные интерпретации или вовсе меняет изначальные смыслы на противоположные.

Определённо эпидемия и тем более пандемия в современном обществе – это высокомедиатизированное событие. Его образ создаётся экспертами-посредниками, производимыми ими дискурсами, платформами, различными публикациями и другими элементами. При этом сочетания этих разнородных элементов не являются стабильными и постоянно пересобираются. Дискурсы влияют друг на друга, а образующие их словари заимствуются и обогащаются различными агентами. Несмотря на важность агентности высказывания – идентификации «кто говорит что» она нечасто становится предметом исследования. Значительное число российских и международных статей сегодня сосредоточены на рассмотрении платформ, на которых производится высказывание [5; 9; 25], а не на его производителях. Однако внимание к агентам важно в силу, во-первых, их разного права на номинацию [3] – различия в праве высказывать суждения и приписываемой им ценности, а во-вторых, характерного для современного медиа-ландшафта плотного соединения агентов и платформ – создания самими разными пользователями собственных медиа, таких как авторские сайты, блоги, аккаунты.

Анализ российских и зарубежных текстов, посвящённых эпидемии SARS в 2002–2004 гг. и пандемии COVID-19 в 2020–2021 гг., позволяет выделить агентов, включая медиков, политиков различного уровня, журналистов, которые своими высказываниями создают язык говорения о вирусе и задают символические координаты его восприятия. Создаваемые ими дискурсы нередко конкурируют между собой. Так, Петер Баер в исследовании эпидемии SARS в Гонконге в начале 2000-х гг. отмечает, что горожане гораздо выше оценивали журналистские репортажи и высказывания по сравнению с информацией, предоставляемой властями [12]. В 2020-х гг. происходит демократизация дискурсивного производства – резко возрастает значение дискурса, производимого обывателями в социальных сетях и на других доступных онлайн-площадках [6]. Усиление роли обывателя одновременно ослабляет значимость других дискурсов и/или ставит их под сомнение.

Понимая всю множественность, неоднородность и конкурентность дискурсивного производства в период эпидемий, в этой статье мы обратимся к дискурсу, производимому от имени московских город-

ских властей, а именно Мэра Москвы С. С. Собянина. Мы считаем, что обращение к властному дискурсу необходимо, поскольку, во-первых, он играет огромную роль в самом начале пандемии и отчасти сохраняет своё влияние в дальнейшем благодаря «эффекту эха». Тесно связанный с дискурсами медиков и учёных, которые владеют необходимым категориальным аппаратом и стремительно наращивают его в соответствии с изменением ситуации, властный дискурс изначально во многом задаёт рамку восприятия ситуации, создавая неологизмы (например, «самоизоляция», «режим повышенной готовности») или наделяя новым значением уже существующие категории (QR-коды, электронные пропуска и пр.). Дискурс обывателей основан на личном опыте или опыте близких, поэтому его значение усиливается по мере развития пандемии, когда болезнь становится пережитым опытом или частью близкого мира. Во-вторых, наше внимание к властному дискурсу продиктовано его влиятельностью и возможностью преобразовываться в конкретные решения, затрагивающие жизнь миллионов людей. При всей важности других дискурсов их влияние более ограничено.

Методология исследования

Данное исследование дискурса, производимого городскими властями в связи с пандемией COVID-19, основано на изучении двух источников – официального сайта Мэра Москвы¹ и его личного блога². В первом случае мы анализировали новости, объединённые темой «коронавирус», за период с 3 марта 2020 г. по 28 января 2022 г. Общее количество новостей составило 2071. Во втором случае анализировались записи из блога Сергея Собянина на тему «коронавирус», опубликованные с 28 января 2020 г. по 18 января 2022 г. Общее количество записей – 109. При обработке данных нами был использован тематический анализ [13].

Оба рассматриваемых источника совпадают по тематике транслируемых сообщений, однако отличаются по персонификации и модальности высказывания. В своём блоге мэр говорит от первого лица, использует адресные обращения, такие как «друзья» или «москвичи». Информация в блоге более эмоционально насыщена, а сообщения более развёрнуты по сравнению с короткими текстами новостей. В своих сообщениях мэр, как правило, кратко информировал москвичей о принимаемых мерах, уделяя большее внимание аргументации принимаемых решений – объяснению их необходимости. В отличие от блога мэра, новостной портал транслировал общую картину происходящего, информировал о действиях городских властей, а также предоставлял инструкции, под-

¹ Коронавирус: статистика, полная официальная информация и последние новости [электронный ресурс] // Официальный сайт Мэра Москвы. URL: <https://www.mos.ru/city/projects/covid-19/> (дата обращения: 28.01.2022).

² Поиск по тегу «Коронавирус» [электронный ресурс] // Сайт Сергея Собянина. URL: <https://www.sobyanin.ru/tag/Коронавирус> (дата обращения: 28.01.2022).

робно объясняя, что стоит делать в определённых ситуациях – например, как получить дополнительную информацию о коронавирусе, пользоваться различными цифровыми сервисами или пройти вакцинацию.

Обращаясь к дискурсу, формируемому от имени мэра, мы полагаем, что он тесно связан с реализуемыми городскими политиками, артикулирует и легитимирует их. В центре нашего внимания были дискурсивно создаваемые агенты городской жизни и отношение городских властей к ним, а также отношения между ними в период пандемии COVID-19. Рассмотрение городской жизни с позиции концепта агентности даёт возможность идентифицировать ключевых городских игроков (как человеческих, так и нечеловеческих – вирусов, технологий, материальностей), с которыми выстраивается взаимодействие, а также определить зоны умолчания и непризнания. В перспективе представляется интересным сравнить полученные результаты с тем, как горожане рассматривались в допандемийном властном дискурсе, и определить, привела ли пандемия как масштабная социальная трансформация к изменению восприятия их роли в городской жизни.

Человеческие и нечеловеческие агенты властного дискурса

Во властном дискурсе, связанном с эпидемиями в целом и с COVID-19 в частности, способностью действовать наделяется множество человеческих (т. е. людей) и не-человеческих агентов (всего, что людьми не является). Например, это могут быть вирусы [19] и живые организмы [16; 20], материальности, включая воздух [14], предметы, поверхности и организация пространства [10; 24] и многое другое. Признание важности роли нелюдей в социальной жизни, их взаимозависимых отношений с человеческими агентами является значимым пунктом современных исследований дискурса и города [1; 23].

Ключевым агентом дискурса о COVID-19 является сам вирус как угроза, способная самостоятельно распространяться благодаря людям, материальностям, собственным свойствам, и на предотвращение которой направлены действия городских властей и горожан. Все прочие агенты находятся в смысловой связи с ним и не существуют самостоятельно. В частности, мы выделяем следующие категории агентов, присутствующих в дискурсивном поле: представители власти; горожане; агенты, связанные с лечением коронавируса (медицинские работники и технологии), и агенты, связанные с жизнью города в период пандемии (городские инфраструктуры; организации и компании, работодатели; система образования). Далее мы остановимся подробнее на каждой категории, особое внимание уделив горожанам. Наше внимание к горожанам связано с двойственностью их позиционирования. С одной стороны, они являются объектами управления и вынуждены подчиняться решениям властей.

С другой стороны, они выступают самостоятельными агентами, которые обладают собственными интересами и могут оказывать влияние на действия властей через открытый протест или повседневное сопротивление.

Дискурс, производимый от имени Мэра Москвы на двух рассматриваемых платформах, достаточно чётко обозначает городские власти как важного агента пандемии. Вполне ожидаемо, что на официальном сайте Мэра Москвы и в собственном блоге Сергей Собянин выступает агентом, который играет одну из важнейших ролей: он сообщает о подписанных им указах, разъясняет принятые меры, даёт комментарии относительно динамики распространения коронавируса и других вопросов, с ним связанных (например, темпах вакцинации). Второй по значимости фигурой является заместитель Мэра Москвы по вопросам социального развития Анастасия Ракова. Другие члены Правительства Москвы фигурировали гораздо реже и преимущественно в связи с вопросами, находящимися в сфере их компетенции. Наряду с персонифицированными агентами, в дискурсе присутствуют и структурные объединения – департаменты, работа которых связана с урегулированием сложившейся ситуации, например, Департамент здравоохранения города Москвы. Федеральная власть в дискурсе Мэра Москвы находится на втором плане и ограничивается упоминанием Президента и Председателя Правительства РФ в связи с совещаниями, в которых участвует Сергей Собянин.

Дискурс властей не замыкается на них самих. В нём присутствуют и другие агенты – прежде всего те, кто активно противостоит COVID-19, а именно медицинские работники. В основном на рассматриваемых платформах упоминались врачи, но фигурировал и младший медицинский персонал. Как правило, медики деперсонифицированы, однако в некоторых новостях отмечались конкретные специалисты (например, главврачи и заведующие отделениями в московских больницах), которые выступали в роли экспертов, давали комментарии и пояснения по различным темам. В случае Москвы, в отличие от других городов мира [21], медики упоминаются как профессионалы, выполняющие свои профессиональные функции – лечение людей, но не как участники различных городских комиссий или консультационных советов. Фактически, признавая их экспертами, мэр дискурсивно не инкорпорирует их в принятие решений, принимая на себя и других представителей власти всю полноту ответственности.

Дискурсивно и медики, и городские власти связываются с технологическими и материальными объектами – ещё одним агентом, задействованным в оказании медицинской помощи. Городские власти рассматривали технологизацию медицинской помощи в период пандемии как один из важнейших способов борьбы с болезнью, что соответствует общей техноцентристской направленности городской политики, в которой технологиям делегируется множество городских функций, преимущественно социального контроля (камеры видеонаблюдения, система распознавания лиц) и регулирования городских процессов [6]. В новостях и блоге мэра

большое внимание уделялось в этот период больницам, госпиталям, обсерваторам, где проходили лечение пациенты с подтверждённым диагнозом. Особенно актуальной эта тема была в первые месяцы борьбы с коронавирусом, когда медицинские учреждения активно строились и перепрофилировались. Постепенно отдельные инфраструктурные объекты и технологии, упоминавшиеся и в новостях, и в блоге, соединяются в самостоятельные масштабные инфраструктуры. От имени мэра им делегируется ответственность за обнаружение и лечение болезни, превращая их тем самым во влиятельных агентов городской жизни.

Важное место в «материально-технологическом» дискурсе занимают «контактные» и «бесконтактные» инфраструктуры и технологии. Медицинские лаборатории, центры компьютерной томографии, медицинское оборудование для лечения больных коронавирусом, ПЦР-тестирование, экспресс-тестирование и особенно вакцина подразумевают непосредственное взаимодействие с больными. «Бесконтактные» инфраструктуры и технологии, такие как горячая линия по вопросам коронавируса, служба телемедицинской помощи, горячая линия комплекса социального развития, горячая линия для доноров плазмы, онлайн-запись на вакцинацию, смс-оповещения о результатах ПЦР-тестов, основаны на технологической медиации и дистанции, за счёт которых увеличивались информирование населения и охват его медицинской помощью. На обоих изученных сайтах признаётся задействование технологий для контроля перемещений горожан, представляющих собой, по мнению властей, основной фактор распространения инфекции, таких как: цифровые пропуска для владельцев автомобилей и пользователей общественного транспорта, система видеонаблюдения и мобильное приложение «Социальный мониторинг» для контроля за передвижением горожан, QR-коды для вакцинированных и людей с отрицательным ПЦР-тестом. При всём радикальном влиянии такого контроля на городскую жизнь, особенно в сфере массовых перемещений и ограничений мобильности, именно о нём горожане скорее просто информировались, нежели получали развёрнутые пояснения. Как отмечал С. Собянин: *«Заказать пропуск [для перемещения] на портале MOS.RU должно быть не сложнее, чем оформить покупку в интернет-магазине»* (из блога Сергея Собянина, 11.04.2020). Отсутствие пояснений на рассмотренных сайтах не означает их отсутствия в других источниках, однако очевидна легитимация происходящего за счёт связки новых форм с уже устоявшимися повседневными практиками и городскими структурами.

Последняя группа обнаруженных нами агентов городской жизни достаточно разнообразна и связана с жизнью города в период пандемии. К их числу относятся городские инфраструктуры, такие как система жилищно-коммунального хозяйства, в сферу работы которой входила дезинфекция, особенно важная на начальных этапах, а также общественный транспорт, который в период ограничений продолжал безостановочно работать и, помимо прочего, принял на себя функции информирования

москвичей о новых санитарно-гигиенических правилах и контроля за их исполнением. Обе инфраструктуры играли заметную роль в основном в первые месяцы борьбы с коронавирусом.

Другая сфера жизни города, которая фигурирует в дискурсе Мэра Москвы, – работа различных компаний и организаций. В первую очередь они упоминаются в контексте прекращения/возобновления работы. В качестве агентов в данном случае выступали работодатели, которые, например, обеспечивали переход на удалённую работу, ПЦР-тестирование и вакцинацию для сотрудников, а также соблюдение новых санитарно-гигиенических норм на рабочем месте. Кроме того, бизнес фигурировал и как получатель поддержки в ситуации негативных последствий режима самоизоляции. Ещё одна сфера жизни города, которая явно присутствовала в дискурсе – система образования, включающая в себя детские сады, школы, колледжи и высшие учебные заведения. Эти агенты упоминались в связи с мерами по борьбе с коронавирусом, остановкой/возобновлением их работы, переходом на дистанционное обучение или возвращением в офлайн.

В целом, можно утверждать, что и в новостях, и в своём блоге Мэр Москвы обозначил несколько основных категорий агентов, включённых в борьбу с пандемией. Особенностью такого обозначения является подчеркнутое внимание к деперсонифицированным структурным агентам – технологиям и инфраструктурам (больницам, центрам тестирования и пр.). Человеческие агенты рассматривались как обобщённые категории и значимые функции, а их персонификация – название имён или должностей – достаточно редка и относилась только к представителям власти или медицинским экспертам.

Категории горожан

Властный дискурс использует преимущественно обобщающие категории для обозначения горожан, такие как «москвичи», «горожане», «жители», «друзья» (последнее характерно для блога С. Собянина). Создание и использование обобщённых категорий – неотъемлемая часть практик управления, в том числе и городского [7; 8; 15]. Посредством категоризации властями создаются городские субъекты и выстраиваются отношения с ними. И в новостях, и в блоге С. Собянина городское сообщество наделялось общей моральной (целиком) и легальной (выборочно) ответственностью за противостояние коронавирусу. Однако даже обобщающие категории обозначают разные способы взаимодействия горожан и властей. «Друзья» — те, с кем власть выстраивает кооперацию и реализует совместные задачи, разделяя ответственность за происходящее, в отличие от «граждан», которыми она управляет и принуждает к определённым действиям.

Кроме общих категорий, создавались и новые, специфические для пандемии. Именно они представляют для нас интерес, поскольку ещё больше проявляют разнообразие горожан как агентов, а значит,

и направленные на них действия властей. Мы выделяем две группы подобных категорий – связанные с заболеванием и с социальной группой, к которой принадлежат горожане. Важно отметить, что они не являются взаимоисключающими и в дискурсе присутствуют различные комбинации категорий из этих групп.

Поворотные моменты

Одна из особенностей властного дискурса в период пандемии – ежедневные новости о распространении вируса. Динамичность освещения пандемии, её фактическое разворачивание в режиме онлайн впервые в истории [11] оказывает влияние на публичный дискурс: меняются не только освещаемые темы, но и принципы освещения, что отчётливо видно при рассмотрении образа горожан. За изученный период можно выделить как минимум два принципиальных изменения категоризации горожан во властном дискурсе. В первый месяц пандемии, в марте 2020 г., когда количество заболевших было единичным, предпринимались попытки отследить цепочки заболеваний. В это время в дискурсе возникли категории, выделенные на основании прибытия из определённых стран, которые описывались как «страны с неблагоприятной эпидемиологической ситуацией», а также на основании прилёта в Москву конкретными рейсами, среди пассажиров которых были обнаружены заболевшие коронавирусом. Поскольку случаи коронавируса были единичными, иногда заболевшие описывались достаточно подробно – в категориях гендера, возрастной группы (ребёнок, подросток, несовершеннолетний; возраст для взрослых), источника заболевания (в частности, прибытия из других стран), контактов с другими людьми, тяжести заболевания, места лечения. При этом не все из перечисленных характеристик упоминались в новостях одновременно. В этот же период происходит детализация летальных случаев, в частности, упоминаются больницы, где лечились пациенты, и наличие у них хронических заболеваний.

После значительного увеличения количества выявленных случаев коронавируса в апреле 2020 г. произошёл первый поворотный момент – дискурс приобрел характер статистики. Помимо общего количества случаев, в новостях фигурировало количество заболевших в каждой возрастной группе: 18–45 лет, 46–65 лет, старше 65 лет, старше 80 лет, отдельно упоминались дети. В этот период в ежедневных новостях периодически делался акцент на той или иной возрастной группе, среди которой был высокий процент заболеваний, например, *«почти половина новых заболевших коронавирусом моложе 45 лет»* (с официального сайта Мэра Москвы, 01.04.2020). Информации о летальных случаях в этот период нет.

Второй поворотный момент, в январе 2021 г., был связан с переходом от детализированной статистики к общему количеству новых случаев и появлению акцента на более тяжёлых случаях течения болезни.

В связи с этим вводятся три категории – госпитализированные, пациенты, подключённые к аппаратам искусственной вентиляции лёгких (ИВЛ), и скончавшиеся с подтверждённым диагнозом.

Категории горожан, связанные с коронавирусом

Пандемия COVID-19 создаёт новые основания для категоризации горожан. Одним из важнейших критериев становится отношение горожан и вируса, включая риски инфицирования и само заболевание COVID-19. В начале пандемии детализация касалась прежде всего людей «до болезни» – горожан, которые подозревались в заражении коронавирусом – контактировали с заболевшими или имели симптомы ОРВИ. По мере ухудшения эпидемиологической ситуации акцент стал делаться на заболевших коронавирусом с подтверждённым диагнозом. Категоризация заболевших заимствуется из медицинского дискурса и отражает разную тяжесть протекания заболевания: бессимптомные носители, лёгкая форма, состояние средней тяжести, тяжелобольные. К этой же группе относятся лечащиеся на дому, находящиеся на домашнем карантине и госпитализированные. Для госпитализированных показателем тяжести протекания заболевания становится технологический индикатор – подключение к аппаратам ИВЛ. Завершают эту группу категорий переболевшие коронавирусом. Отдельно стоит выделить категорию умерших от коронавируса, которая упоминается в обоих изучаемых источниках.

Категория горожан, находящихся в группе риска, является одной из наиболее устойчивых за весь период исследования. На протяжении всего изучаемого периода к ней дискурсивно относятся люди пожилые и имеющие хронические заболевания. Эти горожане часто упоминаются в связи с их уязвимостью перед коронавирусом и, как следствие, с мерами, направленными на сокращение рисков заражения. Например, эти категории упоминались в связке с соблюдением режима самоизоляции как способа предотвращения заражения, а также были одними из первых категорий горожан, для которых стала доступна вакцинация. Эта группа горожан постоянно балансирует на грани агентности: с одной стороны, от горожан, находящихся в группе риска, требуются определённые действия, чем признаётся их агентность, с другой – они выступают объектом контроля и заботы, задача которого – принимать направленные на него действия.

Категоризация горожан, основанная на отношениях с коронавирусом, была бы неполной без упоминания группы, условно обозначенной нами как «горожане как ресурс», и отличается от ранее упоминавшихся категорий горожан как объектов диагностики или лечения. Категория «горожане как ресурс» связана преимущественно с «органической помощью» – использованием определённых ресурсов человеческого организма как источника помощи в лечении и предотвращении заболевания. В неё входят москвичи, переболевшие коронавирусом и ставшие доно-

рами плазмы, а также добровольцы, участвовавшие в исследовании вакцины от коронавируса. После декабря 2020 г., когда вакцина стала доступна для всех горожан, категория «вакцинированные» становится одной из самых устойчивых.

Социальные категории горожан

Возраст с самого начала пандемии COVID-19 был одним из наиболее значимых оснований категоризации людей в разных странах мира¹. В этом случае Москва не является исключением. Выделение возрастных групп в публичном дискурсе связано со стремлением властей целенаправленно информировать отдельные группы горожан о рисках и случаях заражений, а также оправдывать ограничительные меры, вводимые в городе, например блокировку социальных карт, существенно ограничивающую перемещения по городу.

И в блоге Мэра Москвы, и в новостных сообщениях использовались две классификации по возрасту: более обыденная, включающая выделение молодёжи, людей среднего возраста и пожилых (при объединении двух первых групп с помощью категории «трудоспособное население»), и более официальная, или статистическая, подразумевающая разделение на конкретные возрастные промежутки для демонстрации картины заболеваемости. В случае обыденной классификации дети как особая группа горожан упоминалась реже по сравнению с остальными.

Одна из важнейших категорий горожан, которая активно задействуется во властном дискурсе, – это работники. В первые месяцы пандемии, в период самоизоляции, на государственном и городском уровне происходило разделение на сферы занятости: те, которые являются ключевыми для поддержания жизни города, и те, работа которых могла быть приостановлена или переведена в дистанционный формат. После ослабления режима самоизоляции появились категории сотрудников, которые выходят на работу в первую очередь. Характеристики занятости и профессиональная принадлежность горожан приобрели новое значение с началом вакцинации. Изначально вакцинирование было доступно только определённым профессиональным группам – тем, кто в большей степени контактирует с другими людьми. Одними из первых возможность сделать прививку получили сотрудники медицинских и образовательных учреждений, городских социальных служб, сферы торговли, центров госуслуг и учреждений культуры. В данном случае отчётливо

¹ Уже в январе 2020 г., когда COVID-19 еще не получил большого распространения в мире, принадлежность к определённым возрастным группам была выделена как потенциально важный фактор риска. См., например: IHR Emergency Committee for Pneumonia due to the Novel Coronavirus 2019-nCoV transcript of a press briefing – 22 January 2020 [электронный ресурс] // World Health Organisation. URL: https://www.who.int/docs/default-source/coronaviruse/transcripts/ihr-emergency-committee-for-pneumonia-due-to-the-novel-coronavirus-2019-ncov-press-briefing-transcript-22012020.pdf?sfvrsn=b94d86d9_2 (дата обращения: 30.01.2021).

проявляется пересечение различных категоризаций, которые выстраиваются по отношению как к риску заражения, так и к системе более общих социальных координат – профессиональных, характеристик занятости и многих других.

Другие категории горожан, упоминаемые и в новостях, и в блоге С. Собянина, относятся к сферам, находящимся в ведении городских властей, – транспорту, образованию, социальной защите. В первые месяцы пандемии, в период действия наиболее жёстких ограничений на перемещения по городу и в новостях, и в блоге С. Собянина особое внимание уделялось категориям «мобильных горожан». Управление мобильностью рассматривается как один из важнейших инструментов регуляции заболеваемости коронавирусом, а её ограничение городскими властями, даже с помощью предельно жёстких мер – введения цифровых пропусков, штрафов, цифрового контроля аргументируется и оправдывается.

Мобильность предполагает разную категоризацию горожан: вышедших на улицу пешеходов, велосипедистов или водителей личного транспорта, пользователей общественного транспорта, а также всевозможных шеринговых систем. Категоризация мобильности тесно связана с её массовостью. Так, индивидуальная мобильность – пешеходные прогулки или поездка в личном автомобиле, на велосипеде – изначально расценивается как более безопасная. Пользование общественным транспортом, означающее включение горожан в массовые потоки мобильности, с самого начала пандемии оценивается как один из основных городских рисков, меняющийся в соответствии с уровнем заболеваемости. Ни в одном из изучаемых источников нет упоминаний о структурной опасности системы общественного транспорта для горожан. Снижение рисков мобильности связывается городскими властями с ответственностью пользователей городских транспортных систем, но не с переустройством системы.

Мобильность также влияет на идентификацию других социальных групп, например образовательных, таких как школьники, студенты колледжей и вузов. Как и категория занятых, они упоминаются в контексте изменения формата деятельности – перехода на дистанционное образование. В отличие от многих категорий работников, учащиеся становятся объектом властного воздействия – их мобильность регулируют путём приостановки работы льготных проездных.

Власти признают, что пандемия изменила социальное и экономическое положение горожан. Однако это признание достаточно редко. И в новостях, и в блоге Мэра Москвы упоминались горожане, у которых сократились доходы: семьи с детьми; малообеспеченные семьи; получатели пособий по безработице/потерявшие работу; люди с инвалидностью; бездомные. Называя пострадавшие от пандемии группы, власти предпочли подчёркивать свою активность, говорить о принимаемых ими мерах, призванных снизить негативные последствия пандемии, оставляя пострадавшие группы как таковые на периферии внимания. Таким образом, риторически акцент с нуждающихся горожан переводился на эффективно действующие органы власти.

Борьба с коронавирусом обозначила не только группы горожан, нуждающихся в помощи, но и выступающих в качестве помощников. Немалое внимание и в новостных сообщениях, и в блоге Сергея Собянина уделялось волонтерам, работавшим в больницах и помогавшим при вакцинации, а также доставлявшим нуждающимся продукты и лекарства на дом.

Технологизация, описание плотной связи с техническими системами и инфраструктурами характерны не только для упоминавшихся ранее больших систем и городских структур. Отношения с технологиями являются основанием и для категоризации горожан, поскольку они фигурировали как пользователи сервисов, предоставляемых московскими властями. В частности, в новостях был сделан акцент на «технологически включённых» горожан, которые обращались на горячие линии по вопросам коронавируса и сдачи плазмы, пользовались услугами телемедицины, оставляли заявки на доставку продуктов и лекарств на дом, записывались через интернет-сервис на вакцинацию. Для подтверждения роли горожан как пользователей сервисов использовались количественные показатели, например количество обращений или доставленных продуктов. При этом в дискурсе практически не выявлены «технологически исключённые» горожане, которым недоступны цифровые сервисы и технологии [4]. Для мира городских новостей их как бы не существовало.

Агентность горожан во властном дискурсе

Вопрос о категоризации горожан связан с их агентностью – способностью действовать, которой их дискурсивно наделяют власти. Как мы отмечали, категоризация горожан властями подразумевает не только выделение определённых социальных групп и их символическое признание, но и их символическое устранение с публичной арены – за счёт редкого упоминания (как это происходит с детьми) или вовсе умолчания (как происходило с исключёнными из пользования цифровыми технологиями). Подобные дискурсивные приёмы традиционно используются как инструменты борьбы на публичных аренах [18; 22]. Исключение определённых социальных групп на одних публичных аренах в нынешних обстоятельствах – с множеством производителей дискурса и относительной множественностью арен – не означает, что они автоматически исключаются из публичного пространства. Не будучи упомянутыми городскими властями, они могут включаться в поле обсуждений журналистами, медиками, исследователями и другими производителями дискурса; отсутствуя на официальных сайтах, они могут появляться в социальных сетях или других онлайн-платформах.

Обращаясь к выделенным социальным категориям, заметим, что горожане охотно наделяются агентностью во властном дискурсе в случае, если они следуют установленным властями правилам и сценариям. В рассматриваемом случае: соблюдают режим самоизоляции, носят маски и перчатки, становятся донорами плазмы, проходят вакцинацию, участвуют в волонтерстве. Именно в этом качестве они упоми-

нались в рамках властного дискурса, с сообщениями, поддерживающими и поощряющими их действия. Но признание агентности той или иной категории сопровождалось не её описанием, но квантификацией – переводом в количественные показатели, например упоминание количества доноров и записавшихся на вакцинацию/вакцинированных. Примечательно, что нежелательное поведение, в основном отказ соблюдать режим самоизоляции или вакцинироваться, упоминался в редких случаях или не упоминался совсем. Горожане, не соблюдающие установленные правила, обычно не наделяются «негативной» агентностью – не представляются как сознательные вредители или намеренные источники проблем. Напротив, они деагентизируются – словесно лишаются способности самостоятельного действия или вовсе вытесняются за пределы человеческого мира, становясь, например, *«звеном цепочки по распространению опасного вируса»* (из блога Сергея Собянина, 16.06.2021).

Можно говорить не только о лишении горожан агентности, но и о варьировании её степени. Ньюансированность агентности особенно заметна в ситуации госпитализации и лечения. И в новостях, и блоге С. Собянина горожане выступают объектами заботы городских властей, обеспечивающих надлежащие условия диагностики и лечения коронавируса, а также активной помощи, оказываемой медицинскими работниками. Однако они могут способствовать своему выздоровлению или более лёгкому течению заболевания, заранее вакцинировавшись. Таким образом, в отдельных случаях агентность представлялась как поле взаимодействия горожан, городских властей, медиков и других значимых городских игроков.

К выводам

Пандемия коронавируса – это высокомедиатизированное событие, сопровождавшееся интенсивным дискурсивным производством, в котором участвовало множество агентов. Дискурсивное производство является как конкурентным, так и комплементарным, когда различные агенты противостоят друг другу или, напротив, дополняют и усиливают производимые другими суждения. В данной статье мы обратились к дискурсу городских властей Москвы, который с самого начала пандемии задавал рамку восприятия ситуации и преобразовывался в управленческие решения, затрагивающие жизнь миллионов москвичей, артикулировал и легитимировал их.

Мы рассмотрели дискурсивное производство, осуществляемое в двух источниках – на официальном сайте Мэра Москвы С. Собянина и в его личном блоге. В центре нашего внимания было обозначение основных агентов городской жизни и отношений между ними, которое указывало на тех, с кем городские власти готовы сотрудничать, к чьим ресурсам готовы обращаться или против кого собираются выступать в ситуации пандемии.

В рассматриваемых официальных источниках упоминается широкий круг человеческих и нечеловеческих агентов, задействованных в противостоянии пандемии. В их число входят и сами городские власти,

и жители города, и профессионалы, занятые в определённых областях городской жизни: осуществляющие медицинскую помощь, организующие работу городского транспорта, жилищно-коммунального хозяйства. К «противостоящим пандемии» относится и широкая сеть нечеловеческих актантов – технологий, материальных объектов и инфраструктур. Причём нечеловеческим агентам нередко принадлежит значимая или даже решающая роль в борьбе с болезнью – тесты определяют её наличие, компьютерные томографы и нейросети обеспечивают качественную диагностику, а телемедицина – эффективное лечение.

В ходе исследования выявлено, что горожане дискурсивно рассматривались городскими властями как важные агенты, участвующие в борьбе с пандемией. Создаваемая и активно применяемая властями категоризация горожан, претерпевшая за 2020–2021 гг. два поворотных момента, строилась на множестве критериев. Основными из них были: отношение к болезни и с болезнью (например, контакт с заболевшими, тяжесть протекания заболевания, принадлежность к группе повышенного риска, статус вакцинации) и принадлежность к определённой социальной группе (выделяемой на основании возраста, сферы занятости, активности участия в городской мобильности, технологической включённости и т. д.).

Агентность дискурсивно производится как результат взаимодействия горожан и властей – горожане, следующие установленным властями правилам, обретают агентность, не следующие – лишаются её за счёт вытеснения из символического поля – редкого упоминания или умолчания. Важно, что горожане не были обозначены как негативные агенты – власть не рассматривала их как источник проблем или сознательного вреда, как противников в борьбе с коронавирусом. Гораздо более свойственна объективация горожан – дискурсивное описание их как объектов воздействия властей, профессионалов или элементов природных и технологических систем.

Библиографический список

1. Амин Э., Трифт Н. Города: переосмысляя городское. Н. Новгород: Красная ласточка, 2017. 224 с.
2. Бек У. Общество риска: на пути к другому модерну / Пер. с нем. В. Седелника, Н. Федоровой. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
3. Бурдые П. Социальное пространство и генезис «классов» // Социология политики / Пер. с фр.; под общ. ред. Н. А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1993. 336 с.
4. Запорожец О., Лапина-Кратасюк Е. Сетевой/цифровой/умный город: фасады и задворки // Сети города. Люди. Технологии. Власти / Под ред. Е. Лапиной-Кратасюк, О. Запорожец, А. Возьянова. М.: НЛЮ, 2021. С. 10–57.
5. Казун А. Д., Казун А. П. Волновая (де)проблематизация: освещение пандемии коронавируса в России на федеральном телеканале // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 6. С. 284–306. DOI: 10.14515/monitoring.2020.6.1754

6. Орлова Г., Моррис Дж. Пандемия в (без)умном городе: цифровые протезы и аффордансы московской самоизоляции // Сети города. Люди. Технологии. Власти / Под ред. Е. Лапиной-Кратасюк, О. Запорожец, А. Возьянова. М.: НЛО, 2021. С. 135–179.
7. Скотт Дж. Благими намерениями государства / Пер. с англ. Э. Н. Гусинского, Ю. И. Турчаниновой. М.: Универ. книга, 2005. 576 с.
8. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / Пер. с фр. В. Наумова. М.: Ad Marginem, 2018. 416 с.
9. Abbas A. H. Politicizing COVID-19 Vaccines in the Press: A Critical Discourse Analysis // International Journal for the Semiotics of Law-*Revue internationale de Sémiotique juridique*. 2021. Vol. 35. P. 1167–1185. DOI: 10.1007/s11196-021-09857-3
10. Angelo D., Britt K. M., Brown M. L., Camp S. L. Private Struggles in Public Spaces: Documenting COVID-19 Material Culture and Landscapes // *Journal of Contemporary Archaeology*. 2021. Vol. 8. No. 1. P. 154–184. DOI: 10.1558/jca.43379
11. Anwar A., Malik M., Raees V., Anwar A. Role of Mass Media and Public Health Communications in the COVID-19 Pandemic // *Cureus*. 2020. Vol. 12. No. 9. Art. e10453. DOI: 10.7759/cureus.10453
12. Baehr P. Social Extremity, Communities of Fate, and the Sociology of SARS // *European Journal of Sociology*. 2005. Vol. 46. No. 2. P. 179–211. DOI: 10.1017/S000397560500007X
13. Braun V., Clarke V. Reflecting on Reflexive Thematic Analysis // *Qualitative Research in Sport, Exercise and Health*. 2019. Vol. 11. No. 4. P. 589–597. DOI: 10.1080/2159676X.2019.1628806
14. Brown N., Buse C., Lewis A., Martin D., Nettleton S. Air Care: An ‘Aerography’ of Breath, Buildings and Bugs in the Cystic Fibrosis Clinic // *Sociology of Health & Illness*. 2020. Vol. 42. No. 5. P. 972–986. DOI: 10.1111/1467-9566.13104
15. Dikec M. *Badlands of the Republic: Space, Politics and Urban Policy*. Malden: Wiley-Blackwell, 2007. 240 p. DOI: 10.1002/9780470712788
16. Kelly A. H., Keck F., Lynteris C. *The Anthropology of Epidemics*. London, New York: Routledge, 2019. 194 p. DOI: 10.4324/9780429461897
17. Kuchinskaya O. *The Politics of Invisibility: Public Knowledge about Radiation Health Effects after Chernobyl*. Cambridge: Mit Press, 2014. 264 p. DOI: 10.7551/mitpress/9780262027694.001.0001
18. Laclau E., Mouffe C. *Hegemony and Socialist Strategy*. London: Verso, 2001. 240 p.
19. Lowe C. Viral Ethnography: Metaphors for Writing Life // *RCC Perspectives*. 2017. No. 1. P. 91–96. DOI: 10.5282/rcc/7779
20. McLeod C., Kershaw E. H., Nerlich B. Fearful Intimacies: COVID-19 and the Reshaping of Human–Microbial Relations // *Anthropology in Action*. 2020. Vol. 27. No. 2. P. 33–39. DOI: 10.3167/aia.2020.270205
21. Mohammed S., Peter E., Killackeya T., Maciver J. The “Nurse as Hero” Discourse in the COVID-19 Pandemic: A Poststructural Discourse Analysis // *International Journal of Nursing Studies*. 2021. Vol. 117. Art. 103887. DOI: 10.1016/j.ijnurstu.2021.103887

22. van Leeuwen T. Discourse and Practice: New Tools for Critical Analysis. Oxford: Oxford University Press, 2008. 172 p. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780195323306.001.0001

23. van Loon J. A Contagious Living Fluid // Theory, Culture & Society. 2002. Vol. 19. No. 5–6. P. 107–124. DOI: 10.1177/026327602761899174

24. Wald P. Contagious: Cultures, Carriers, and the Outbreak Narrative. Durham: Duke University Press, 2008. 392 p. DOI: 10.1215/9780822390572

25. Yu H., Lu H., Hu J. A Corpus-based Critical Discourse Analysis of News Reports on the COVID-19 Pandemic in China and the UK // International Journal of English Linguistics. 2021. Vol. 11. No. 2. P. 36–45. DOI: 10.5539/ijel.v11n2p36

Получено редакцией: 22.08.22

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Багина Яна Александровна, независимый исследователь

Запорожец Оксана Николаевна, кандидат социологических наук,
доцент факультета городского и регионального развития

Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Говорова Анастасия Дмитриевна, старший лаборант с высшим образованием
сектора исследования социальных изменений качественными методами,
Институт социологии ФНИСЦ РАН

DOI: 10.19181/vis.2022.13.4.857

EDN: LAGHSG

Confronting Pandemics: Human and Non-Human Agents in the Discourse of the Moscow Authorities on COVID-19¹

Yana A. Bagina

Independent Researcher, Moscow, Russia

E-mail: ybagina@hse.ru

ORCID: 0000-0002-4376-9288

Oksana N. Zaporozhets

National Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russia

E-mail: ozaporozhets@hse.ru

ORCID: 0000-0001-7301-0128

Anastasia D. Govorova

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: nastena_govorova@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6411-2202

¹ The reported study was funded by RFBR, project number 20-04-60535.

For citation: Bagina Y. A., Zaporozhets O. N., Govorova A. D. Confronting pandemics: human and non-human agents in the discourse of the Moscow authorities on COVID-19. *Vestnik instituta sotziologii*. 2022. Vol. 13. No. 4. P. 217–235. DOI: 10.19181/vis.2022.13.4.857; EDN: LAGHSG

Abstract. The article is devoted to the discourse of the Moscow city authorities regarding COVID-19. We believe that this discourse is closely connected with the implemented city policies, articulating and legitimising them. The empirical base of the study is news from the official website of the Mayor of Moscow and entries from the blog of the Mayor of Moscow Sergey Sobyenin. The article focuses on discursively created agents of urban life, the attitude of city authorities towards them and the relationship between them during the COVID-19 pandemic.

There are many human and non-human agents in the coronavirus discourse: government officials, townspeople, agents associated with the treatment of coronavirus (medical workers and technologies), and agents associated with the life of the city during the pandemic (infrastructure, organisations and companies, employers, education system). All of them are built around a key agent – the virus itself. Citizens as agents in power discourse are represented by a variety of categories that form two large overlapping groups. The first group is associated with the position of people regarding the disease: people with suspected coronavirus, who fell ill with varying degrees of severity of the disease, recovered, died; donors, vaccine study participants, vaccinated. Over the analysed time period, the discourse related to morbidity undergoes at least two turning points: the transition from a small number of cases to statistics disaggregated in terms of age, and from disaggregated statistics to the total number of cases with an emphasis on the number of severe cases of the disease. The second group of categories of citizens includes belonging to certain social groups, for example, an age cohort, socially vulnerable groups, workers (in general and in certain industries), schoolchildren and students, service users, public transport passengers.

Citizens are viewed by city officials as important agents involved in the fight against the pandemic. Their agency is discursively produced as a result of the interaction between themselves and the city authorities. Citizens who follow the authority rules gain agency, while those who do not follow them are deprived of it due to rare mention or omission.

Keywords: discourse, COVID-19, virus, city, citizens, city authorities

References

1. Amin A., Thrift N. Goroda: pereosmyslyaya gorodskoe [Cities: Reimagining the Urban]. Nizhniy Novgorod, Red Swallow, 2017: 224 (in Russ.).
2. Beck U. Obschestvo riska: na puti k drugomu modernu [Risk Society: Towards a New Modernity]. Transl. from Germ. by V. Sedelnik, N. Fedorova. Moscow, Progress-Traditsiya, 2000: 384 (in Russ.).
3. Bourdieu P. Sotsial'noe prostranstvo i genezis "klassov" [The Social Space and the Genesis of Groups]. Sotsiologiya politiki [Sociology of Politics]. Transl. from French, ed. by N. A. Shmatko. Moscow, Socio-Logos, 1993: 336 (in Russ.).
4. Zaporozhets O., Lapina-Kratasyuk E. Networked/Digital/Smart City: Frontispieces and Backyards. Seti goroda. Lyudi. Tekhnologii. Vlasti [Urban Networks. People. Technologies. Governance]. Ed. by E. Lapina-Kratasyuk, O. Zaporozhets, A. Voz'yanov. Moscow, NLO, 2021: 10–57 (in Russ.).
5. Kazun A. D., Kazun A. P. Cyclic (De)Problematization: Coverage of the Coronavirus Pandemic in Russia on a Federal TV Channel. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny*, 2020: 6: 284–306 (in Russ.) DOI: 10.14515/monitoring.2020.6.1754
6. Orlova G., Morris J. Pandemic in a (Not So) Smart City: Digital Prostheses and Affordances of Moscow Self-Isolation. Seti goroda. Lyudi. Tekhnologii. Vlasti [Urban Networks. People. Technologies. Governance]. Ed. by E. Lapina-Kratasyuk, O. Zaporozhets, A. Voz'yanov. Moscow, NLO, 2021: 135–179 (in Russ.).
7. Scott J. Blagimi namereniyami gosudarstva [Seeing Like a State]. Transl. from Eng. by E. N. Gusinskiy, Yu. I. Turchaninova. Moscow, Univer. kniga, 2005: 576 (in Russ.).
8. Foucault M. Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tyur'my [To Watch and Punish. Birth of a Prison]. Transl. from French by V. Naumov. Moscow, Ad Marginem, 2018: 416 (in Russ.).
9. Abbas A. H. Politicizing COVID-19 Vaccines in the Press: A Critical Discourse Analysis. *International Journal for the Semiotics of Law-Revue internationale de Sémiotique juridique*, 2021: 35: 1167–1185. DOI: 10.1007/s11196-021-09857-3

10. Angelo D., Britt K. M., Brown M. L., Camp S. L. Private Struggles in Public Spaces: Documenting COVID-19 Material Culture and Landscapes. *Journal of Contemporary Archaeology*, 2021: 8: 1: 154–184. DOI: 10.1558/jca.43379
11. Anwar A., Malik M., Raees V., Anwar A. Role of Mass Media and Public Health Communications in the COVID-19 Pandemic. *Cureus*, 2020: 12(9): e10453. DOI: 10.7759/cureus.10453
12. Baehr P. Social Extremity, Communities of Fate, and the Sociology of SARS. *European Journal of Sociology*, 2005: 46: 2: 179–211. DOI: 10.1017/S000397560500007X
13. Braun V., Clarke V. Reflecting on Reflexive Thematic Analysis. *Qualitative Research in Sport, Exercise and Health*, 2019: 11: 4: 589–597. DOI: 10.1080/2159676X.2019.1628806
14. Brown N., Buse C., Lewis A., Martin D., Nettleton S. Air Care: An ‘Aerography’ of Breath, Buildings and Bugs in the Cystic Fibrosis Clinic. *Sociology of Health & Illness*, 2020: 42: 5: 972–986. DOI: 10.1111/1467-9566.13104
15. Dikec M. *Badlands of the Republic: Space, Politics and Urban Policy*. Malden, Wiley-Blackwell, 2007: 240. DOI: 10.1002/9780470712788
16. Kelly A. H., Keck F., Lynteris C. *The Anthropology of Epidemics*. London, New York, Routledge, 2019: 194. DOI: 10.4324/9780429461897
17. Kuchinskaya O. *The Politics of Invisibility: Public Knowledge about Radiation Health Effects after Chernobyl*. Cambridge, Mit Press, 2014: 264. DOI: 10.7551/mitpress/9780262027694.001.0001
18. Laclau E., Mouffe C. *Hegemony and Socialist Strategy*. London, Verso, 2001: 240.
19. Lowe C. Viral Ethnography: Metaphors for Writing Life. *RCC Perspectives*, 2017: 1: 91–96. DOI: 10.5282/rcc/7779
20. McLeod C., Kershaw E. H., Nerlich B. Fearful Intimacies: COVID-19 and the Reshaping of Human–Microbial Relations. *Anthropology in Action*, 2020: 27: 2: 33–39. DOI: 10.3167/aia.2020.270205
21. Mohammed S., Peter E., Killackey T., Maciver J. The “Nurse as Hero” Discourse in the COVID-19 Pandemic: A Poststructural Discourse Analysis. *International Journal of Nursing Studies*, 2021: 117: 103887. DOI: 10.1016/j.ijnurstu.2021.103887
22. van Leeuwen T. *Discourse and Practice: New Tools for Critical Analysis*. Oxford, Oxford University Press, 2008: 172. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780195323306.001.0001
23. van Loon J. A Contagious Living Fluid. *Theory, Culture & Society*, 2002: 19: 5–6: 107–124. DOI: 10.1177/026327602761899174
24. Wald P. *Contagious: Cultures, Carriers, and the Outbreak Narrative*. Durham, Duke University Press, 2008: 392. DOI: 10.1215/9780822390572
25. Yu H., Lu H., Hu J. A Corpus-based Critical Discourse Analysis of News Reports on the COVID-19 Pandemic in China and the UK. *International Journal of English Linguistics*, 2021: 11: 2: 36–45. DOI: 10.5539/ijel.v11n2p36

The article was submitted on: August 22, 2022

INFORMATIONS ABOUT THE AUTHORS

Yana A. Bagina, Independent Researcher

Oksana N. Zaporozhets, PhD, Associate Professor, Faculty of Urban and Regional Development, National Research University “Higher School of Economics”

Anastasia D. Govorova, Senior Laboratory Assistant with a Higher Education, Sector for the Study of Social Change by Qualitative Methods, Institute of Sociology of FCTAS RAS